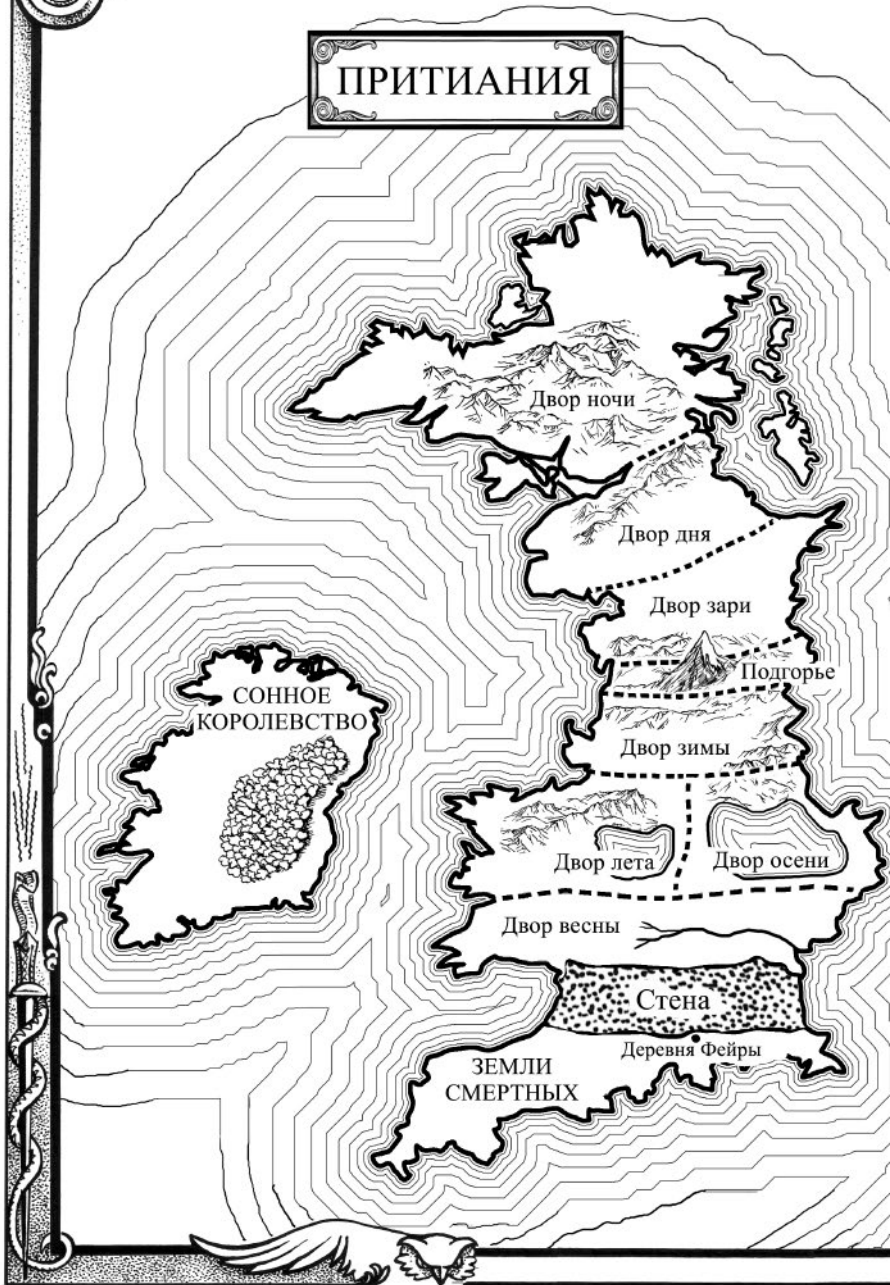

ПРИТИАНИЯ

ВЛАДЕНИЯ ФЭЙРИ

Стена

ЗЕМЛИ СМЕРТНЫХ

Лес превратился в лабиринт из снега и льда.

Устроившись на изгибе толстой ветки, я битый час всматривалась в окрестные заросли, и все напрасно. Беспреданно налетавший ветер кружил снежные вихри, заметал мои следы, а вместе с ними — и следы возможной добычи.

Голод добавил мне смелости, и я отправилась в места, в которые прежде забираться не решалась. Но зима — тяжелое время. Зверье ушло в такие чащи, куда и сейчас я бы ни за что не сунулась. Мне доставались лишь одиночки, по разным причинам отбившиеся от стада. Вот бы они попадались мне до самой весны! Наверное, я плохо молилась. Лес опустел.

У меня озябли пальцы. Я поднесла их ко рту, чтобы немного согреть, заодно смахнула снежинки, прилипшие к ресницам. Сколько ни вглядывалась, я не заметила ни одного дерева с обглоданной корой — верным признаком оленьих стад. Похоже, олени еще не трогались с места. Обычно они обдирали всю кору, а потом устремлялись на север, через волчьи владения, в ту часть Притиании, которая принадлежала фэйри. В те места не сунется даже завзятый храбрец, сохранивший хоть каплю мозгов. У фэйри с людьми разговор один — смерть.

От этой мысли меня охватил озноб. Я отмахнулась от нее, сосредоточившись на окрестностях и на том, ради чего

здесь торчала. Все, чем я занималась последние годы, — выживала сама и помогала выживать семье. Продержаться неделю — это здорово. Нередко я благодарила судьбу за прожитый день. Бывало, что и за прожитый час. При таком снегопаде вперемежку с ветром я бы обрадовалась любой добыче, посчитав ее редкой удачей. Остаться на дереве было бессмысленно. Я не видела дальше собственного носа, все тонуло в снежной мгле. Ноги одеревенели и не желали двигаться. Стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, я вначале сняла и сбросила вниз охотничий лук, затем прыгнула сама.

Заледенелый снег хрустнул под тяжестью моих истрепанных сапог. Я скрипнула зубами. Дрянная видимость вынуждала меня шуметь больше, чем позволительно охотнику. Скорее всего, сегодня я опять вернусь ни с чем.

Зимние дни коротки. Еще два-три часа — и стемнеет. Если сейчас я не поверну домой, придется возвращаться в темноте. Я хорошо помнила предостережение городских охотников: в наших краях появились громадные волки, рыщущие крупными стаями. А тут еще и участились слухи о странных существах, похожих на людей, — рослых, жутких, смертоносных.

Но уж лучше волки и незнакомцы-великаны, чем фэйри. Наши охотники не ахти какие набожные, но стоило прийти зиме — сразу вспоминали про богов и молились, чтобы те уберегли деревню от набегов фэйри. Я тоже молилась, только втайне. Вот уже восемь лет, как мы жили в этой деревне. От нее — всего два дня пути до границы, за которой начинались земли бессмертных фэйри. Хвала богам, на нашу деревню набегов не было. Странствующие торговцы рассказывали про дальние пограничные города, где после набега фэйри оставались лишь развалины, пепел да кости убитых. Началу таких рассказов было немного, и деревенские старики отмахивались от них, называя досужим вымыслом. Но за последние месяцы положение изменилось, и про набеги фэйри шептались едва ли не в каждый базарный день.

Отправляясь в лес, я изрядно рисковала. А что прикажете делать? В доме — хоть шаром покати. Вчера мы доели последний хлеб, позавчера — последний кусок вяленого мяса. Если пораскинуть умом, лучше улечься спать с урчащим от голода пузом, чем самой послужить обедом волку или фэйри.

Правда, на мне особо не попируешь. К зиме я сильно отошала и могла пересчитывать собственные ребра. Двигаясь быстро и, насколько возможно, тихо, я приложила руку к животу, который свело от голода. Мысленно я уже видела вытянутые физиономии двух старших сестер. Если опять вернусь домой с пустыми руками, увижу воочию.

После нескольких минут напряженных поисков я добралась до заснеженных кустов ежевики. Сквозь них просматривалась полянка, где протекал ручеек. Дыры во льду подсказывали: зверье частенько приходит сюда на водопой. Оставалось надеяться, что кто-нибудь пожалует, пока я здесь. Надежда — вечная приманка, особенно для голодного ума.

Я вздохнула, уперла конец лука в снег и привалилась лбом к грубому изогнутому древку. Без еды следующая неделя может оказаться для нас последней. Многие семьи в деревне уже побирались, рассчитывая на подачки богатых горожан. Меня на такие упования не поймаешь. Я собственными глазами видела, как быстро сытым надоедает возиться с голодными и неимущими.

Я встала поудобнее и успокоила дыхание, напрягая слух и стремясь за воем ветра расслышать что-нибудь еще. Снег падал и падал, торопясь укрыть чистым белым покрывалом все, что до недавнего времени оставалось коричневым и серым. Вопреки себе, наперекор озябшим рукам и ногам, я наслаждалась белизной окружающего пространства. Мой утомленный мозг постепенно успокаивался.

Когда-то я могла целыми днями любоваться сочной зеленой травой на фоне темного свежеспаханного поля или восхищаться аметистовой брошью в складках изумрудного шелка. Тогда меня занимали лишь краски, свет, очертания.

Я этим жила... Уже потом, оказавшись в деревне, я иногда мечтала о благодатном времени, когда сестры выйдут замуж и мы с отцом останемся вдвоем. Нам и с едой будет попроще, и денег хватит на краски. А главное — хватит времени, чтобы заполнить красками бумагу, холст или голые стены дома.

Эти мечты едва ли осуществляются в ближайшее время. Не исключено, что им вообще не суждено сбыться. И потому мне оставались лишь мгновения вроде нынешнего, когда можно полюбоваться узорами неяркого зимнего света на снегу. Уже и не помню, когда в последний раз я останавливалась, привлеченная чем-то красивым или интересным.

Редкие часы, проведенные в покосившемся сарае с Икасом Хэлом, не в счет. То были голодные, пустые и порою жестокие мгновения без капли прекрасного.

Завывания ветра сменились негромкой песней. Теперь снег падал крупными ленивыми хлопьями, густо покрывал ветви. Его мягкая красота завораживала. Такой нежный и пушистый снег бывал смертельно опасен, но я все равно любовалась им. Мне не хотелось возвращаться по замерзшим глинистым дорогам к скудному теплу нашего дома.

На другом краю полянки зашелестели кусты, и я мгновенно приготовила лук. Любование красотой кончилось. Затаив дыхание, я вглядывалась в просвет между заснеженными ветвями.

Шагах в тридцати от меня стояла небольшая олениха, она еще не успела отощать, однако жадно обгрызала кору.

Мяса этой оленихи нашей семье хватило бы на неделю, а то и больше.

У меня даже слюнки потекли. Тихо, словно ветер, шелестящий между опавших листьев, я подняла лук и прицелилась.

Олениха и не подозревала, что неподалеку притаилась смерть. Она отщипывала от ствола очередной кусок коры и медленно жевала.

Половину мяса нужно будет высушить, а второй половиной мы вдвоём наедемся. И на жаркое хватит, и на пиро-

ги... Шкуру можно продать или пустить на одежду для кого-то из нас. Мне не помешали бы новые сапоги, Элайне нужен новый плащ, а Неста всегда желала занять все, что было у других.

У меня дрожали пальцы. Столько пищи — такое неожиданное спасение от голода. Я успокоила дыхание и еще раз тщательно прицелилась.

И тут совсем рядом со мной блеснули золотистые глаза.

Лес замер. Ветер стих. Даже снег перестал падать.

Мы, смертные, не то что перестали молиться богам — давно позабыли их имена. Но если бы я знала их имена, я бы сейчас молилась. Всем подряд. Чаща прятала волка от беспечной оленихи. А хищник, не сводя с нее глаз, приблизился на пару шагов.

Волк был громадным — размером с пони. У меня пересохло во рту. О таких волках и предупреждали охотники.

Я впервые видела волка-великана. Удивительно, но олениха по-прежнему не слышала и не чуяла его. Если этот волк притианского происхождения, если в нем есть что-то от фэйри, тогда участь быть съеденной волновала меня меньше всего. Вообще-то, если передо мною фэйри, пусть и в обличье волка, мне нужно со всех ног улепетывать отсюда.

Однако... убив зверя, пока он меня не видит, я принесу пользу миру, нашей деревне и, конечно же, самой себе. Я допускала и такую возможность. Мне не составит труда пустить ему стрелу между глаз.

Я попыталась рассуждать здраво. Пусть этот волк и громадный, но он похож на волка и движется по-волчьи.

«Он всего-навсего зверь», — убеждала я себя.

При мне — охотничий нож и три стрелы. Две простых, пригодных для обычной добычи. Но для такой громадины они были бы не страшнее пчелиного укуса. А вот третья стрела... Она длиннее и тяжелее остальных. Я купила ее летом у странствующего торговца. Тогда нам хватало не только на еду. Древко стрелы сделали из дерева горной рябины, добавьте к этому железный наконечник...

Дерево горной рябины отличалось особой прочностью. Говорили, что именно оно и отнимало у фэйри бессмертие. А еще фэйри боялись железа и ненавидели этот металл. На то и были рассчитаны такие стрелы. Железный наконечник ослаблял целительную магию фэйри, их раны не затягивались мгновенно, и удар стрелы оказывался смертельным. Так утверждали слухи. Быть может, горной рябине приписывали особые свойства лишь потому, что она встречалась очень редко. Рисунки я видела, а настоящее дерево — никогда. Правители народа фэ очень давно сожгли почти все деревья, остались лишь маленькие и чахлые. Их и не заметишь среди высоченных деревьев других пород. Кстати, эту стрелу я покупала не нынешним летом, а три года назад. Потом долго мучилась сомнениями, не слишком ли переплатила за деревянную палку и кусок железа. Я постоянно таскала рябиновую стрелу в колчане, но она еще ни разу не вылетала из моего лука.

Я быстро достала стрелу и, стараясь не обнаружить себя, вложила в лук. Если метко прицелиться, длинная, тяжелая стрела серьезно ранит волка или даже убьет.

Если я убью волка, то одновременно спугну олениху и та убежит. Если же убью олениху, волк либо вцепится мне в горло, либо поспешит к туше оленихи. Тогда прости-прощай мясо и шкура.

От напряжения у меня заболело в груди. И не раньше, не позже, но ровно в эту секунду обожгла мысль: а волк явился сюда один?

Крепче сжав лук в руке, я натянула тетиву. Я довольно метко стреляла, но только не в волков. Я привыкла считать себя везучей; возможно, сама судьба благоволила мне на охоте. Так я думала раньше. Но сейчас... Я не знала, куда целить и насколько быстры волки. Когда у тебя всего одна рябиновая стрела, промах недопустим.

Если же это был волк-оборотень и под шкурой у него действительно стучало фэйское сердце... так тебе и надо. Получи по заслугам за все зло, что твои соплеменники причини-

ли людям. Лучше я убью его здесь, и тогда он уже точно не прокрадется в нашу деревню, никого не убьет и не растерзает там. Пусть погибнет на месте. Я чувствовала, что рада обрвать волчью жизнь.

Хищник подполз ближе. Его лапы были чуть ли не вдвое крупнее моих рук, неожиданно под одной из них хрустнула веточка. Олениха напряглась и замерла, заозиралась по сторонам. Ее уши настороженно вслушивались в тревожную тишину. Однако ветер дул в нашу с волком сторону, и олениха по-прежнему не чуяла смертельных врагов.

Волк опустил голову и присел для прыжка. Его серебристое тело напряжилось и великолепно сливалось со снегом и тенями. Глупая олениха смотрела совсем не туда.

Я глядела то на волка, то на олениху. Зверь был один. Хотя бы в этом мне повезло. Но если волк спугнет олениху, мне не останется ничего, кроме опасного соседства с огромным голодным зверем. Не исключено, что еще и с фэйри. Тогда он вместо оленихи пообедает мною. Если же волк сейчас прыгнет и убьет олениху...

От этих «если» у меня закружилась голова. Стоит ошибиться в расчетах — и моя жизнь добавится к длинной цепи загубленных жизней. Все восемь лет, что я охотилась в лесу, я постоянно рисковала. Но в подавляющем большинстве случаев удача оказывалась на моей стороне.

Волк прыгнул, взлетел серо-бело-черной молнией. Сверкнули желтые клыки. В прыжке зверь показался мне еще крупнее. Настоящее чудо из мускулов, скорости и жестокой силы. У оленихи не было никакой возможности убежать.

Зато у волка была возможность попортить ее шкуру и уменьшить наш запас мяса. И тогда я выстрелила.

Стрела вонзилась ему в бок. Я могла бы поклясться, что земля содрогнулась. Волк взвыл от боли и разжал зубы, выпустив добычу. На снег хлынула ярко-красная кровь.

Волчья морда повернулась ко мне. Шерсть стояла у него дыбом. Желтые глаза округлились. Его глухое рычание от-

давалось у меня в животе. Я стремительно вскочила на ноги и приладила вторую стрелу.

Волк всего лишь... смотрел на меня. Его морда была окровавлена, из бока торчала рябиновая стрела. Снова пошел снег, волк не отводил взгляда. Я словно раздвоилась. Одна часть меня сознавала, с кем я имею дело, а вторая удивлялась, что я собираюсь выстрелить снова. Но я выстрелила. На всякий случай. Вдруг этот смысленный взгляд действительно принадлежал бессмертному коварному существу?

Волк даже не пытался пригнуть морду. Стрела вошла ему четко в широкий желтый глаз.

Снег мешал мне смотреть, смазывая яркие краски.

Волк рухнул на снег. У него задергались лапы, он жалобно заскулил. Я не верила своим ушам. Второй выстрел должен был оборвать его жизнь. Стрела пробила ему глаз, вонзившись чуть ли не по самое оперение.

Волк он или фэйри — значения не имело. Особенно когда у него в боку застряла рябиновая стрела. Дрожащими руками я отряхнула снег с лица и приблизилась к волку, остановившись на приличном расстоянии. Из обеих ран хлестала кровь. Снег вокруг волка стал ярко-красным.

Волк царапал когтями снег. Его дыхание слабело и замедлялось. Интересно, ему и впрямь было очень больно или он скулил в попытке отшвырнуть от себя смерть? Я предпочитала этого не знать.

Вокруг нас клубилась поземка. Я смотрела на волка, пока его грудь не перестала вздыматься. Передо мною лежал просто волк, хотя и громадный.

Мне стало легче. Теперь я могла дышать шумно и даже вздыхать, что я и сделала, выпустив облачко пара. Что ж, рябиновая стрела доказала свою смертоносную природу. А уж кого она сразила, не столь важно.

Быстро оглядев олениху, я поняла, что двоих зверей мне не дотащить. Даже ее туша существенно замедлит мое возвращение домой. Но мне было жалко бросать убитого волка. Я понимала, что напрасно растрачиваю драгоценные ми-

нуты. Сейчас любой хищник легко учуял бы свежую кровь. И тем не менее я содрала с волка шкуру, вытащила обе стрелы и, как могла, вычистила их.

У меня согрелись руки. Тоже неплохо, учитывая, что я уже с трудом ощущала пальцы. Я обмотала тушу оленихи волчьей шкурой, прикрыв ей рану на шее. Домой мне было еще топать и топать, и цепочка кровавых пятен, тянущаяся за мной, очень скоро превратила бы меня в добычу для любого крупного зверя.

Я взвалила тушу оленихи себе на плечи и в последний раз посмотрела на волчью тушу, лишенную шкуры. От нее шел пар. Уцелевший желтый глаз смотрел в заснеженное небо, и я вдруг пожалела, что он обращен не ко мне. Тогда бы мертвый взгляд запомнился мне как вечный упрек за содеянное.

Это ощущение быстро прошло. Лес есть лес, и зима есть зима.

Когда я выбралась из леса, солнце уже село. У меня от тяжести и усталости тряслись колени, а руки снова успели заоченеть, причем давно. Даже туша оленихи, прикрывавшая мне спину, не защищала от крепчавшего мороза. Небо стало темно-синим, почти черным. Сквозь ставни нашего ветхого дома пробивались узкие полосы желтоватого света. Мне казалось, что я иду по живой картине, где краски способны меняться на глазах. Пока я подходила к дому, красивый темно-синий цвет неба сменился густым черным.

От усталости и голода у меня закружилась голова. Вместе с полосами света сквозь ставни проникали голоса сестер. Я не вслушивалась, поскольку и так знала темы их разговоров, — наверняка болтали о каком-нибудь приглянувшемся им парне или чьих-то лентах, которые они увидели в деревне. Отец заставлял их колоть дрова, но это занятие моим сестрицам быстро надоедало, и они отправлялись прогуляться и поглазеть на окружающую жизнь. И все же после пережитых опасностей мне было приятно услышать человеческие голоса.

Я подошла к порогу и несколько раз лягнула каменный дверной косяк, отряхивая снег с сапог. Вместе со снегом с серого камня отлетели льдинки, обнажив выцветшие знаки, вырезанные вокруг порога. Это были обереги против фэйри. В свое время через нашу деревню проходил странствующий

щий шарлатан, который утверждал, что владеет искусством делать обереги от злых сил, включая фэйри. Отец уговорил его нанести защитные знаки вокруг нашего порога, расплатившись одной своей резной поделкой. Отец всегда так мало заботился о дочерях, что у меня тогда не хватило духу сказать ему, насколько бесполезны и фальшивы эти знаки. Смертные не владели магией. У них не было той силы и скорости, какой отличались фэйри. Я уж не говорю о фэ — высшем сословии фэйри. А этот шарлатан, нагло утверждавший, будто в жилах его предков текла фэйская кровь, всего-навсего покрыл нам входную дверь и окна разными завитушками, закорючками и якобы древними знаками. Затем, пробормотав какую-то чепуху, которая для моего отца сошла за заклинание, он забрал плату и удалился.

Железная дверная ручка кусалась не хуже змеи. Я толкнула дверь и оказалось там, где тепло и светло. Свет показался мне ослепительно-ярким.

— Фейра! — воскликнула Элайна.

Щурьясь от пламени очага, я увидела свою среднюю сестру. Она куталась в одеяло, но ее золотисто-каштановые волосы — то небольшое, что роднило меня с сестрами, — были безупречно уложены вокруг головы. Восемь лет нищеты не отбили у нее желания выглядеть привлекательно.

— Где ты это добыла? — спросила она.

В голосе зазвучала голодная нотка. Звериную кровь на мне Элайна словно не замечала. Я уже давно перестала надеяться, что когда-нибудь они поймут, чем занимается их младшая сестра. Весь день я не просто гуляла по лесу, а охотилась. Пока в доме имелась хоть какая-то еда, сестер совершенно не заботило, каким образом она попадает в нашу кладовую. Умирая, наша мать не взяла с них клятв и обещаний...

Я подошла к столу и сбросила с плеч добычу. Глиняная чашка, что стояла с другого края, обидчиво звякнула.

— А как ты думаешь, где это добывают? — охрипшим голосом спросила я.

Я освободила оленью тушу от волчьей шкуры, затем сняла сапоги и поставила их возле двери.

Карие глаза Элайны, унаследованные от отца, смотрели только на олениху.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы снять шкуру и приготовить мясо? — задала новый вопрос Элайна.

Мне. Не ей. Никому из них. Я ни разу не видела, чтобы сестрицы испачкали руки в крови моих трофеев или помогли бы мне возиться со шкурами. Свежевать туши, выделывать шкуры, готовить мясо — всему этому я училась у чужих людей.

Отец и Неста сидели у очага, грея руки. Моя старшая сестра, как всегда, подчеркнуто не замечала отца. Элайна приклеилась глазами к оленьей туше, ее руки лежали на животе, таком же голодном, как и мой. Я бы не назвала Элайну жестокой. Она не такая, как Неста. Та даже родилась с презрительной усмешкой на лице. Но Элайна иногда... не понимала простых вещей. От предложения своей помощи она воздерживалась не по какому-то злomu умыслу. Ей не приходило в голову, что и она может испачкать ручки той или иной работой. Я так и не могла для себя решить: Элайна действительно не понимала, что мы живем в нищете, или понимала, но отказывалась это принять? Тем не менее я тратила далеко не лишние деньги, покупая ей семена цветов. Цветочные клумбы — единственное, чем Элайна любила заниматься всегда. Но до теплых дней было еще очень далеко.

Помню, в то лето, когда я потратилась на стрелу, Элайна преподнесла мне подарок: три жестяные баночки с красной, желтой и синей красками. Единственный подарок, который я получила от средней сестры. И он не залежался — следы красок и сейчас еще оставались в нашем доме, хотя успели потускнеть и облупиться. Стены вокруг окон и дверей я расписала плющом и цветами. Камни, окружавшие очаг, — язычками пламени. Все свободные минуты того удивительно лета я наполняла наше убогое жилище цветом. Расписывала ко-

модные ящики, старые занавески, днища стульев. Мои картинки красовались даже под столом.

Это было единственное благодатное лето в нашей деревенской жизни.

— Фейра, девочка моя, — густым баритоном произнес отец, заметивший меня.

Его темная борода была аккуратно подстрижена. Кожа на лице отличалась безупречной гладкостью, как и у моих сестер.

— Надо же, как тебе сегодня повезло. Этого хватит на целый пир.

Неста пренебрежительно фыркнула. Неудивительно! Любая похвала в чей-либо адрес: мой, Элайны, наших односельчан — она воспринимала как оскорбление ее персоны. Добавлю, что любое слово, произнесенное нашим отцом, Неста встречала язвительным замечанием.

Я выпрямила ноющую от усталости спину и без сестринской нежности поглядела на Несту. Из всех нас старшая сестра особенно тяжело пережила крушение прежней жизни. В тот день, когда нам пришлось спешно покинуть особняк, она тихо возненавидела отца. Причиной, заставившей нас это сделать, стала отцовская самонадеянность. Отец задолжал крупную сумму одному человеку с темной репутацией, влезать в долги к которому ему не советовали. Но отец верил, что легко рассчитается с долгами. Я до сих пор не понимаю, на чем держалась его уверенность. Когда расплатиться не получилось, со стороны займодавца последовали угрозы. А потом... займодавец с несколькими громилами явился к нам домой и наглядно показал отцу, что бывает с теми, кто не возвращает долг.

Но в отличие от отца Неста хотя бы не забивала нам голову бессмысленными разговорами о возвращении былого богатства. Она преспокойно тратила деньги, которые я не успевала спрятать от нее, и крайне редко удостаивала отца дочерним вниманием. Я и сама не ангел. И у меня случался

лись минуты озлобленности, когда я могла ранить словом. По правде говоря, мы все вели себя не идеальным образом, и иногда это становилось особенно заметно.

— Половина мяса пойдет нам на эту неделю, — сказала я, оглядывая трофей. Туша оленихи занимала почти весь шаткий стол, служивший нам и обеденным, и кухонным, и рабочим. — Вторую половину надо высушить.

Я могла сейчас говорить самые любезные слова, но почти весь груз работы опять ляжет на мои плечи.

— Завтра схожу на рынок и узнаю, сколько можно выручить за шкуры, — добавила я больше для себя, чем для родни.

Отец сидел, выставив покалеченную ногу. Он садился почти возле самого огня: холод, дожди и резкие перепады погоды всегда отзывались на его ранах, окружавших колено. Раны были жуткими, из тех, что мучают до конца жизни. К отцовскому стулу была прислонена палка. Порою Неста отодвигала ее так, чтобы отец не мог дотянуться.

Если это происходило при мне, я шипела на старшую сестру, упрекая ее в бессердечии. «Рук ему никто не ломал. Мог бы поискать себе работу, а не бездельничать», — неизменно отвечала мне Неста. Она ненавидела отца и за увечье, и за то, что он даже не попытался дать отпор работодателю и громилам, когда те лупили его по колену.

В тот жуткий день Неста с Элайной тоже не попытались защитить отца. Они сбежали в спальню, закрылись на ключ и еще придвинули к двери тяжелый комод. Я осталась и только умоляла пощадить отца. Мои всхлипывания перемежались с его криками и хрустом костей. Я даже обделалась от страха. Потом меня вытошнило на камни перед очагом. Только после этого страшные люди ушли. Больше мы их не видели.

Из тех денег, что у нас тогда были, львиная доля пошла на врачей и лекарства. Только через полгода отец снова начал ходить. Конечно, о его легком, пружинистом шаге уже не могло быть и речи. Я научилась растягивать оставшиеся деньги и прятать их от сестер. Иногда кто-то из жалости по-

купал по дешевке одну-две резные поделки отца. Но это была капля в море. Пять лет назад отцовские сбережения полностью истаяли. Отец по-прежнему не мог и не желал искать себе посильную работу. И тогда я объявила, что стану добывать нам пропитание охотой. Отец не возражал.

Мое решение оставило его равнодушным. Он не встал от теплого очага, не оторвал голову от очередной поделки. Отец позволил мне отправиться в густые, полные опасностей леса, которых побаивались даже сильные и опытные охотники. Постепенно в нем проснулось что-то похожее на заботу. Иногда он благодарил за принесенную дичь, иногда ковылял в город — продавать свои резные поделки. Но это все, на что он был способен.

— Мне бы не помешал новый плащ, — вздохнула Элайна.

Услышав ее слова, Неста тут же поднялась со стула и объявила:

— А мне нужны новые сапоги.

Я промолчала. Не хватало еще возражать их извечным «хочу» и «нужно». Достаточно было посмотреть на нынешние сапоги Несты. Они стояли у двери, не потерявшие блеска кожи. Зато моя обувь стала мне тесновата и расплзалась по швам. Я уже неоднократно латала сапоги, выбирая нитки покрепче.

— Мой плащ совсем старый и больше не греет, — канючила Элайна. — Однажды я превращусь в ледышку и умру.

Умоляющий взгляд сестры устремился на меня.

— Ну пожалуйста, Фейра.

Она умудрялась так растягивать два слога моего имени, что мне становилось тошно. Неста сердито прищелкнула языком и приказала сестре заткнуться.

Я даже слушать не желала перепалку сестер из-за денег, которые завтра заплатят за шкуры. Им почему-то в голову не приходило, что шкуры вначале еще нужно продать. Тем временем отец встал и подошел к столу. Опираясь одной рукой о край стола, он внимательно рассматривал добытую мною олениху. Потом отцовское внимание переместилось на

волчью шкуру. Я напряглась, ожидая вопросов. Его пальцы, не потерявшие аристократической мягкости, отвернули край шкуры и прошлись по окровавленной изнанке.

— Фейра, а это откуда? — спросил отец, неодобрительно поджав губы.

— Оттуда же, откуда и олениха, — ответила я.

Я старалась говорить спокойно, но мои слова прозвучали резко и холодно.

Отцовский взгляд скользнул по луку и колчану со стрелами, все еще остававшимся у меня за спиной. Потом отец выразительно посмотрел на охотничий нож, и его глаза подернулись влагой.

— Фейра... это очень рискованно.

Я вздернула подбородок и огрызнулась:

— А у меня выбора не было!

Я не хотела рывкать, так получилось. На самом деле на языке крутились другие слова: «Как еще нам добывать пропитание? Ты почти безвылазно сидишь дома. Если бы не моя охота, мы все давно бы померли с голоду».

— Фейра, — повторил отец и закрыл глаза.

Сестры затихли. Я повернулась к ним и увидела презрительно сморщенный нос Несты.

— От тебя воняет, как от свиньи, извалявшейся в навозной жиже, — заявила старшая сестра, косясь на мой плащ. — Неужели тебе трудно хотя бы попытаться не выглядеть как невежественная крестьянская девка?

Неста умела больно бить словами и знала, куда нанести удар. Но я не подала виду, что удар достиг цели и мне больно. Я была слишком мала и успела усвоить лишь самые азы хороших манер, чтения и письма. Потом наша семья разорилась, и отцу стало не до моего образования. Тем не менее Неста не упускала возможности напомнить мне об этом.

Неста отошла. Она не могла стоять рядом с «вонючей свиньей», в очередной раз спасшей ее и остальных от голодной смерти.